

раго быта долженъ былъ испытать введеніе крѣпостного права. Наконецъ, исторія возможна только въ союзѣ съ этнографіей, а въ этой послѣдней вопросъ о степени особенности двухъ русскихъ племенъ довольно ясенъ.

Но если гдѣ наиболѣе рѣзко встрѣчаются два разные, даже противоположные взгляда на русскую исторію и судьбы русскаго народа, это конечно эпоха Петра Великаго: къ ней сводятся споры о характерѣ московской старины, и о тѣхъ путяхъ, которыми должна быть направлена современная жизнь народа и общества. «Назадъ, домой!» — вопять эпигоны славянофильства, — т. е. прямо въ XVI—XVII вѣкъ, какъ будто исторія громаднаго народа можетъ пойти вспять, всякія реставраціи подобнаго рода не были пустымъ самообольщеніемъ, какъ будто археологическими поддѣлками можно обмануть исторію. — Впрочемъ, споръ о значеніи Петровской реформы, поднимаемый ея врагами, оставляется теперь почти безъ вниманія другою стороною: славянофильскія отрицанія Петровской реформы не выросли въ доказательности съ сороковыхъ годовъ и эта школа, съ тѣхъ поръ и донынѣ, не произвела ни одного цѣльнаго научнаго труда, ни одного послѣдовательнаго, доказательнаго изложенія своего взгляда. Съ другой стороны все, что только появляется въ литературѣ объ этомъ періодѣ русской исторіи, лишь подтверждаетъ его высокое рѣшающее значеніе въ судьбахъ русскаго народа. Изученіе Петровскаго періода все больше обогащается изданіемъ матеріаловъ и изслѣдованій: уже издана масса документовъ по разнымъ отраслямъ управленія, и готовится — къ сожалѣнію, чѣмъ-то задержанное теперь — обширное изданіе писемъ Петра Великаго, которое составитъ первостепенный источникъ для его біографіи и исторіи; цѣлый рядъ капитальныхъ историческихъ трудовъ (Устрялова, Соловьева, Пекарскаго, Погодина, Костомарова) все больше раскрываетъ знаменательную эпоху. Обширное умноженіе фактическаго матеріала, болѣе многосторонняя и, прибавимъ, свободная критика очень расширили значеніе Петровскаго времени, устранивъ окончательно тотъ наивно панегирическій тонъ, который такъ долго господствовалъ въ описаніяхъ славнаго царствованія и совсѣмъ не подходилъ ко многимъ чертамъ времени, но и не укрывая той мрачной стороны, какую не разъ могла представить эпоха реформъ. Но отъ этого нисколько не умалилось высокое представленіе о значеніи Петровской реформы для всего послѣдующаго развитія; напротивъ, чѣмъ больше она выясняется не съ героической точки зрѣнія, какъ смотрѣли на нее прежде, а съ